

Майкл Урбан

ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ

Уровень доверия упал у нас ниже плинтуса.
Никто никому не верит (С7).

Большинство попыток западных исследователей концептуализировать общественные отношения в посткоммунистических странах проходят под рубрикой «гражданское общество». В их интерпретациях гражданское общество должно представлять (преимущественно, если не исключительно) сферу добровольных объединений, задачей которых является латание бреши между государством и гражданами. В этой версии концепции «гражданского общества» вовлечение граждан в жизнь общественных объединений ценно постольку, поскольку развивает навыки взаимодействия, необходимые для реализации общих устремлений. При этом, как утверждается, участие в добровольных объединениях производит общий «социальный капитал», заключающийся в высоком уровне межличностного доверия и терпимости, который является смазкой для механизма социальной кооперации и вносит по-этом вклад в участие граждан в демократическое управление (Diamond, 1994).

Вероятно, переняв свои принципы у оппонентов коммунистических режимов, гордо начертавших на своих знаменах фразу «гражданское общество», многие из тех, кто заинтересован в изучении — и, возможно, даже в помощи в строительстве — демократии во вновь освобожденных странах, полагались на эту концепцию гражданского общества при отслеживании движения отдельных государств к демократическому будущему. Результаты эти попыток разочаровывают. С одной стороны, так понимаемое гражданское общество навряд ли существует в посткоммунистических странах, в которых уровень участия граждан в добровольных объединениях является одним из самых низких на планете (Howard, 2003; Hann, 2002). Россия также вполне вписывается в данную модель (Henderson, 2003), а это означает, что изучение гражданского общества в этой стране является исследованием чего-то, что — за редкими исключениями — обнаружить невозможно;

но при этом одновременно игнорируются существующие в ней в настоящее время социальные отношения. С другой стороны, приложение указанной концепции гражданского общества к посткоммунистическим странам произвело такую категориальную путаницу, что одна исследовательница данного предмета, завершила свой пространственный обзор современных работ следующей рекомендацией: данная версия «гражданского общества» настолько бесполезна, что должна быть полностью исключена из повестки дня изучения посткоммунистических стран (Mihaylova, 2004).

Что же пошло не так? Имеется достаточно оснований для того, чтобы признать, что общепринятая концепция «гражданского общества», популяризованная, прежде всего, Робертом Патнэмом (Putnam 1993, 2001), принципиально некорректна сама по себе (Berman, 1997; Bermeo and Nord, 2000; Encarnacion, 2003, 2006; Foley and Edwards, 1997a, 1997b, 1998a, 1998b; Newton, 1997; Rothstein, 2004; Tarrow, 1996). Я, однако, не буду воспроизводить в данной статье всю ту критику, которая была направлена против этой концепции. Напротив, принимая ее так, как она есть, я буду использовать понятие Пьера Бурдьё о формах капитала для того, чтобы разработать противоположную модель социальных отношений, которая, как мне кажется, является более подходящей для стран, возникших на месте бывшего коммунистического блока, особенно для России. Для удобства, а также для того, чтобы избежать неуместного нормативного измерения, сопровождающего термин, я буду называть общепринятую концепцию «Гражданское общество I», противопоставляя ее тому, что может быть более многообещающей формулировкой, «Гражданскому обществу II». Представив в общих чертах элементы этой модели, я затем обращусь к собранию нарративов, составленному на основании интервью главных российских политических фигур, чтобы показать, что она находит отражение в сознании самих участников процесса.

В период весна 2005 — лето 2006 гг. было проведено интервью с 34 представителями российского политического класса. В выборку вошли министры правительств (включая одного премьера и одного заместителя премьера), лидеры политических партий, депутаты Госдумы, представители администрации Президента и другие лица. Во время интервью, длившихся от 45 минут до 2 часов, респонденты свободно отвечали на ряд вопросов, которые должны были выявить их реакцию на базовые политические явления. Один из вопросов относился к важности личных отношений в политическом опыте респондентов. Нарративы были впоследствии транскрибированы и проанализированы как тексты. С целью идентификации респонденты были разбиты на пять подгрупп с нечетко очерченными границами: члены администрации Горбачева (идентифицируемые литерой А и порядковыми номерами), члены первой (1991–1993) и второй (1993–1997) администрации Ельцина (идентифицируемые литерами В и С соответственно, а также порядковыми номерами), члены демократической оппозиционной партии «Яблоко» (литера D и порядковые номера), а также лица, отождествляемые с администрацией Путина (литера Е и порядковые номера).

ФОРМЫ КАПИТАЛА: ФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Значение общепринятой концепции гражданского общества основано на идее, что через участие в гражданских объединениях индивиды развивают модели всеобщего доверия. Это доверие рассматривается как «социальный капитал», определенный объем которого в том или ином конкретном случае коррелирует со способностью общества осуществлять кооперацию и коллективные действия — ключевые детерминанты демократии. Эта формула может оказаться полезной при эмпирических изысканиях, предоставляя исследователям простой способ достижения их целей: например, расчет участия людей в гражданских объединениях и определение уровня доверия их членов при помощи социологических опросов. Однако эта формула открыта для критики на концептуальном уровне: она лишена точности.

В общепринятой литературе по гражданскому обществу и социальному капиталу сам термин «капитал», по-видимому, используется в чисто метафорическом значении, безотносительно понятий власти и частного присвоения чужого труда, каковые понятия долгое время сопровождали употребление этого термина в научных дискуссиях. Речь здесь идет не об удельных запасах социального капитала, находящихся в распоряжении индивидов, которые используют их при общественном взаимодействии, но об общей кладовой социального капитала, из которой индивиды могут его свободно черпать. Такая концепция отклоняется от смысла и теоретической ценности имени «капитал». Согласно этой точке зрения, волюнтаристская кооперация замещает проблематику власти, ее производства, осуществления и воспроизведения. Более того, в сердцевине «капитала» — как уже давно заметил Карл Маркс, — находится не некая вещь, но общественные отношения. Соответственно, нам мало что дает понимание «социального капитала» как измеряемой индивидуальной характеристики, увязываемой со склонностью доверять другим, незнакомым людям. Большую пользу принесет, скорее, рассмотрение «капитала» в аспектах общественного взаимодействия и обмена. Именно здесь «социальный капитал» присутствует в полном своем смысле, исчезая и обращаясь в нечто иное, особенно в другие формы капитала.

Для моих целей важность этой концепции заключается в ее полезности для различения — на относительно высоком уровне абстракции — общественных отношений, предполагаемых в западных моделях гражданского общества («Гражданское общество I»), в которых доминирует экономический капитал, и общественных отношений в России, где главную роль играет культурный и социальный капитал. При таком историческом формулировании понятия гражданского общества, могут быть разработаны идеальные типы, противопоставляющие две совершенно различные общественные логики, сообразные соответствующим смещениям капиталов.

Как показано в Таблице 1, «Гражданское общество I» (западная модель) может быть охарактеризована «слабыми» социальными связями между членами общественных объединений, чьи коллективные действия направлены

Таблица 1. Две модели гражданского общества

	Гражданское общество I	Гражданское общество II
Доминирующая организационная форма	Гражданские объединения	Неформальные связи
Доминирующая форма капитала	Экономический капитал	Культурный или (инкорпорированный) социальный капитал
Связи между акторами	Слабые	Сильные
Направленность коллективных действий	Определенная	Рассеянная
Социальный капитал	Обобществленный, не инкорпорированный	Обособленный, инкорпорированный
Государство	Сильное (превалирование закона)	Слабое (личное присвоение государственных должностей)

на достижение определенных целей. Продуктом общественного взаимодействия будет здесь обобществленный социальный капитал, который, в свою очередь, потребует безличности сильного государства, действующего в соответствии с законом. В противоположной модели, «Гражданском обществе II» (Российская модель), будут наблюдаться «сильные» связи, отвечающие эмоциональному вовлечению сторон во взаимодействие, при том что их задачи многообразны, или «рассеяны». Социальный капитал, приобретенный в результате взаимодействия, будет обособленным или инкорпорированным. Он не столько смазывает механизм социальной кооперации, сколько поддерживает существование рассеянных социальных связей взаимной помощи, для которой общие социальные цели являются, в лучшем случае, совершенно безразличными. Эта схема, в свою очередь, будет основываться на наличии слабого государства, которое не способно навязать безличный закон, и по отношению к которому данная модель является как причиной, так и следствием. С одной стороны, отсутствие власти закона имеет тенденцию усиливать социальное взаимодействие, основанное на высоком уровне узкого межличностного доверия, которое представляется сторонним наблюдателям коррупцией. Самими участниками, однако, эти модели воспринимаются обычно как жизненно необходимые для достижения общих целей. По причине эмоциональных взаимодействий, которые, как правило, сопровождают подобные отношения, последние часто прямо способствуют формированию идентичности, внося вклад в постоянное воспроизводство «нас» (Ledanova, 2004a). С другой стороны, при таком окружении маргинализуется сама власть закона. Даже в случаях, когда, например, суд действительно

выполняет свою функцию независимого арбитра, обращение в него может оцениваться как форма предательства, как обращение к «ним», которое, соответственно, устраняет возможность решения конфликта «нами». Обращение к государству за разрешением спора может, таким образом, выглядеть как аморальная попытка «сломать» некоего человека (Radaev, 2004: 96).

Некоторые исследователи, изучавшие переходные процессы в посткоммунистической Восточной Европе, успешно использовали «формы капитала» Бурдье для объяснения отдельных аспектов этих процессов, которые иначе не могли быть объяснены (Eyal, Szelenyi and Townsley, 1998; Zarycki, 2003). Следуя за ними, я буду использовать эти «формы капитала» для объяснения превалирования модели, ассоциирующейся с «Гражданским обществом II», в случае России. Общепринятая концепция гражданского общества, «Гражданское общество I», основана на доминирующей роли экономического капитала. Поскольку он не инкорпорирован, то общества, структурированные преимущественно этой формой капитала, признают образование абстрактных категорий (граждане) и безличных процедур (власть закона), которые скрывают реальные различия, имеющиеся между индивидами, в доступе к экономическому, культурному и социальному капиталам, а также в обладании ими. Индивиды как таковые сталкиваются друг с другом в общественной сфере как равные, как граждане. Это равенство является собой базовое условие для объединения в добровольные группы (Walzer, 2002). И хотя различие капиталов, вне всякого сомнения, обладает мощным влиянием как на внутреннюю жизнь, так и на внешние возможности этих объединений, они не входят непосредственно в их устройство, которое остается «добровольным», т. е. предполагает как безличные процедуры, так и формальное равенство членов.

Эта модель меняется на противоположную там, где доминирует культурный или (инкорпорированный) социальный капитал. В этих случаях инкорпорированный капитал, неравно распределенный, непосредственно включен в устройство групп. Если брать географические ассоциации, то это отнюдь не плоская равнина. Индивиды сталкиваются друг с другом как исходно неравные в своем обладании этими инкорпорированными формами капитала, что определяет структурные отношения внутри объединений также как неравные. Человек не вступает в добровольные объединения, образованные равными, но скорее участвует в закрытой сети неформального обмена, структурированной различными степенями социального капитала у ее членов, часто порождающей практику клиентелы, или в объединениях, чья структура состоит из иерархий, определяемых инкорпорированностью культурного капитала их членов. В первом случае социальное доверие ограничивается кругами взаимопомощи и патронажа; во втором оно обращено на тех, кто — особенно на расстоянии — расценивается как «лучшие сравнительно с нами».

Это рассуждение о гражданском обществе четко очерчивает вопросы, касающиеся политической организации. Если политические партии и лоббистские объединения являются формами организации, конгруэнтными социальным отношениям, общим для «Гражданского общества I», то совершенно отличная модель согласуется с формами, обнаруживающимися

в «Гражданском обществе II». Здесь социальные отношения образуют сетевые структуры, основанные на сильных связях и обособленном социальном капитале. Они организуют коллективные действия, направленность которых носит рассеянный характер, который соответствует разнообразным нуждам их членов, занимающих различное положение в обществе. Если эти сети — благодаря тому, что, по меньшей мере, некоторые их члены занимают посты в правительственной иерархии — имеют доступ к государственной власти, то они могут рассматриваться как «властные сети», способные разрушать формальные общественные и государственные институты (Афанасьев, 2000; Volkov, 2002; Hayoz and Sergeyev, 2003; Mbeke, 2001). Таким образом, исполнительные органы, политические партии и лоббистские объединения, действующие в рамках общественных отношений, характеризующих «Гражданское общество II», являются собой слабые институты, в которые входят одна или несколько властных сетей, которые придают им импульсы, направления и цели. Как возникли эти сети и как они структурированы?

Как представляется, в возникновении властных сетей и в том, что они стали доминирующей формой политических объединений в России, главную роль сыграли два фактора. Первый фактор можно возвести к вытеснению прав на собственность административным правом при старом (социалистическом) порядке (Verdery, 1996, 2003). До той степени, до которой контроль над административной должностью давал индивидам и группировкам возможность контролировать, более или менее свободно от формальных правил (Urban, 1985, 1989, 1997), материальные и общественные ресурсы, инкорпорированный капитал (культурный или социальный) приносил в институты несомненно личностный элемент. Второй фактор — модели коллективной ответственности — и, как реакция на них, неформальные, подпольные модели коллективной самозащиты — навязанные в царское время и нередко внедрявшиеся под другими названиями в советский период (Hosking, 2004; Ledeneva, 2004b). Таким образом, ритуализированные формы социальной организации, характеризовавшие советский строй, нередко распространялись на частную сферу, где они эволюционировали в товарищеские сети, предполагавшие близкие отношения, которые удерживали индивидов в кругу людей, хорошо им знакомых (Kharkhordin, 1998, 2000; Urban, 2004). Эти сети советской эпохи заложили основу для сетей позднего и постсоветского периодов, которые, расширяясь благодаря патронажу своих членов до контролирования государственных и негосударственных должностей, развились в конце концов в распространенные властные сети.

Как уже было замечено на примерах многих посткоммунистических стран, властные сети формируются как средства обмена, соединяющие членов, обладающих государственными должностями, с их партнерами, занимающими важные позиции в экономике (Verdery, 1996; Greskovits, 1998; Stark, 1997; Stark and Bruszt, 1998). Соответственно, эти связи позволяли властным сетям — коллективно и в процессе конкуренции друг с другом — организовывать работу как государства, так и экономики. Доступ к необходимым ресурсам является здесь критическим моментом, и он, в свою очередь, обуслов-

ливается либо подкупом сторонних лиц (государственных чиновников или представителей организованной преступности), либо, когда государственные чиновники уже входят в сеть, прочными связями с партнерами сети (Djankov *et al.*, 2004). Даже когда обмен выходит за пределы национальной экономики, как, например, в случае иностранных инвестиций, эти сетевые структуры остаются определяющими (Bandel, 2002; Stark and Vedres, 2006).

Как правило, властные сетевые структуры имеют тенденцию принимать две формы. Первая, вошедшая в современный российский лексикон под пейоративом «клан», обычно включает «центр», образованный людьми, давно и хорошо знающими друг друга, и «периферию», состоящую из индивидов, установивших связи с членами «центра» уже после того, как группа обрела определенное общественное положение и начала расширять патронаж и рекрутировать новых союзников (Flap and Volker, 2003; Hayoz and Sergeyev, 2003).

Жанин Ведель (Wedel, 1998) столкнулась именно с такой властной сетью, когда наблюдала получение и распределение западной помощи в России. Действуя по государственным и негосударственным каналам, члены «ядра» присваивали зарубежные финансовые средства и практический опыт, используя их непосредственно для своего личного обогащения, достижения целей своей сети и вербовки новых членов. Как отмечает Ведель, «ядро» действовало как единый коллективный актор. Более того, создавалось впечатление, что вербовка начала принимать более регулярную форму, когда контроль за назначением на государственные должности стал переходить к властным сетям таким образом, что отношения патронажа стали встраиваться непосредственно в процесс конституирования государственной службы (Huskey, 2004).

Эта тенденция только усилилась в дальнейшем, когда произошла реформа государственной службы, в результате которой функция набора правительственных кадров сместилась от исполнительных органов к Администрации Президента. Одним из последствий этих изменений стало ослабление вертикальной мобильности в правительственной иерархии и сопутствующее учащение появлений на важнейших государственных должностях сторонних людей (Huskey, 2005). Это позволило властным сетям, ассоциирующимся с президентом Владимиром Путиным, занять руководящие посты не только в государстве как таковом (Крыштановская, 2005), но и в главных предприятиях российской экономики в энергетическом секторе, ВПК и транспорте (Fazullina, 2004; Макаркин, 2004). Другим результатом этой реформы стала реконструкция советской системы трудоустройства на государственные должности, номенклатуры, при помощи централизованных списков «кадровых резервов», составляемых Управлением кадров Президента, не только для будущей работы в правительстве, но и для занятия ключевых постов в бизнесе и НПО. Выбирая из этих списков, руководящие лица могли обойти законные требования по занятию вакансий на конкурсной основе, таким образом, способствуя распространению в своих организациях отношений патрон-клиент (Huskey, 2005), практики, которая была характерна для советской системы в не меньшей степени, нежели номенклатура (Willerton, 1992; Urban, 1989; Rigby and Narasymiw, 1983).

Один из респондентов довольно долго рассказывает о том, какие последствия для российского общества и экономики возымело внедрение этой модели, приводя пример сговора между западным в своей основе транснациональным капиталом и национальными торгово-финансовыми группами, имеющими свои штаб-квартиры в исполнительной власти. Оценивая потери страны во много миллиардов долларов, он говорит:

«Когда целью в политике является, прежде всего, личное обогащение, то методами становятся бюрократические уловки и интриги... Стадо может рассчитывать на пастуха только если пастух собирается заботиться о стаде. Но если пастух договорился с другими пастухами и волками, то он с удовольствием оставит стадо волкам... У нас авторитарная власть, но не лично Путина, а группы, послушно подчиняющейся более могущественным западным силам. Поэтому власти не заинтересованы в развитии промышленного потенциала страны. Они заняты торговлей и финансами и ведут себя, как сказал бы Токвиль, как торгово-финансовые группы. Для нас это означает поиск и поддержку таких форм объединений, которые смогут ограничить Ротшильдов. Иначе наша экономика превратится в казино, а общество еще больше деградирует» (D 2).

Несмотря на морализм, пронизывающий эти ремарки, очевидно, что респондент связывает указанные результаты не с изъянами отдельных индивидов, но с отношениями, в которые эти индивиды вовлечены — именно поэтому он призывает искать новые формы объединений.

После прихода президента Владимира Путина, кадровая функция, осуществляемая Администрацией Президента, приобрела особенно отчетливый вид клиентелы; и это объясняет, почему так много коллег Путина по КГБ и мэрии Санкт-Петербурга (как отметил один из респондентов (D 4), «на некоторые посты он назначил даже своих бывших одноклассников») занимают позиции в советах директоров промышленных и финансовых гигантов страны (Крыштановская, 2005; Kryshstanovskaya and White, 2005; Fazullina, 2004; Макаркин, 2004), а их друзья и родственники получили важные посты в якобы частных компаниях, работающих с правительством (n. a., 2005). Однако в то время как Путин может рассматриваться как главный патрон страны, текущая конфигурация способствует конкуренции и конфликтам между клиентелистскими группами, даже теми, которые находятся на вершине властной иерархии (Салин, 2007; Крыштановская, 2005; Pribylovskii, 2005). Не только хитрые манипуляции важных людей, направленные на получение выгодных позиций и доступа к деньгам и ресурсам, но и тайная природа этой конкуренции означает для самих же участников процесса, что положение вещей далеко от того, чтобы быть четким стабильным и предсказуемым. Один из респондентов, описывая свой опыт, отмечает: «Все происходит на уровне групп людей, групп интересов. В стабильном обществе вы знаете эти группы людей. Но в нашей стране могут появиться совершенно неожиданные группы, неожиданные команды и подкоманды, преследующие свои частные интересы» (E 2).

Употребляемый этим респондентом термин «команда» является вежливой формой наименования властной сети, и он появляется в интервью для обозначения, как правило, своей собственной сети. Пейоратив «клан», напротив, зарезервирован для сетей, к которым респондент себя не относит. Однако эта дистинкция может стать также объектом аналитики, а не просто описана как результат предвзятого отношения. То есть в то время как «клан» отсылает к описанному ранее типу межличностных отношений, «команда» представляет из себя более расплывчатую структуру, локализованную и сфокусированную на некоем проекте, который, будучи не вполне четко сформулирован, определяет тем не менее коллективные цели сети. Как социокультурный феномен, «команды» связывают своих членов на основании знакомства, формы «близости без сердечного отношения, автоматически расширяющейся и получаемой, как только индивид становится членом команды» (Goffman, 1973: 83). Тем не менее как только «команды» развивают свою собственную идентичность, их цели начинают отражать некий двойственный уровень. Это позволяет, с одной стороны, осуществлять интеграцию членов вокруг символической среды самих целей и, с другой стороны, открывает пространство для индивидуального маневра, переформулирования проекта и противодействия тем неожиданным ситуациям, которые сопровождают расширенное взаимодействие (White, 1992). Эти описания, как кажется, вполне соответствуют феномену «команд» в России (Даугавет, 2003), но весьма значительную роль могут играть также и культурные особенности, как они ниже будут описаны респондентами. Как и кланы, «команды» производят очень ограниченное «мы», не оставляя элите места для дискурса относительно более широкой идентичности, связанной с социальным положением или даже организациями, в которых функционируют «команды». В отличие от моделей, атрибутируемых «Гражданскому обществу I», открытое артикулирование идентичностей в обоих случаях является весьма ограниченным, исключая, таким образом, возможность для социальной или политической кооперации на низовом уровне. В «Гражданском обществе II» социальная дифференциация не опосредована символически. За исключением действий по принципу «зуб за зуб», осуществляемых *ad hoc*, инсайдеры не нуждаются в «других», равно как здесь нет и самих идентифицируемых (коллективных) «других», чьей помощи они могли бы просить.

КЛАНЫ И «КОМАНДЫ» В СОЗНАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ

Многие из записанных для этого исследования интервью являются иллюстрацией того, как субъекты на основании своего политического опыта понимают роль личных связей («сильные связи»), характеризующих «Гражданское общество II». Их комментарии выстраиваются вокруг трех аспектов модели, в которой личные отношения играют непосредственную роль: поступление на государственную службу, кланы и «команды».

Поступление на государственную службу. Значительное число респондентов рассказывало о поступлении на госслужбу, хотя их об этом не спрашивали. За исключением отдельных «команд», сформировавшихся в эпоху второй ельцинской администрации, личные связи использовались очень широко. В большинстве случаев описания найма просты и непосредственны.

Один респондент говорит (С2): «Я работал вместе с Гайдаром в одной газете, и когда он стал премьер-министром, я перешел в его команду».

ВОПРОС: Как это произошло?

С2: Я искал работу. В тот момент я работал политическим обозревателем ТАСС и мои отношения с директором были не очень хорошими. Я просто пришел к Гайдару и сказал, что готов работать.

ВОПРОС: Серьезно?

ОТВЕТ: У нас всегда были хорошие отношения.

ВОПРОС: Вы имеете в виду личные отношения?

ОТВЕТ: Не так, чтобы глубоко личные. Ну, я был знаком с его семьей. Так что наши отношения были отчасти профессиональными, а отчасти личными.

В других случаях процесс мог быть более извилистым. Один чиновник долго (около 30 минут) рассказывал о том, как поступал на работу в администрацию Горбачева, вспоминая о целой сети личных и профессиональных связей со своими коллегами из академической среды, которые ему пришлось задействовать, чтобы в конце концов занять должность заместителя министра по охране окружающей среды. После провала августовского путча 1991 г. некоторые из этих контактов оказались полезными для занятия им министерского поста в правительстве Ельцина.

«У меня были контакты с Шохиним и Гайдаром, которые встречались со мной в сентябре-октябре. В конце октября один из них позвонил — насколько помню, это был Шохин, а не Гайдар — и сказал: „Виктор Иванович, вы можете приехать в Сосенки [государственный дачный поселок, где в то время жили многие из членов будущего правительства]?“ Я сказал: «Почему нет? Конечно могу, я знаю дорогу». Они сказали мне, что формируют новое правительство Российской Федерации и предложили мне пост министра природных ресурсов и охраны окружающей среды... Я согласился, и затем вернулся на свою работу в общесоюзном министерстве... Меня несколько позабавил тот факт, что на следующий день Николай Воронцов [министр] собрал совещание, на котором строил гипотезы о том, кого из нас назначат в правительство, формируемое Ельциным. Они обсуждали эту тему со своих точек зрения, и никто не назвал меня. Ну, я, конечно, смеялся про себя, глядя на весь этот цирк. Несколькими днями позже Ельцин подписал документы о моем назначении на министерский пост (В 3).

Другие, однако, имели менее снисходительный взгляд на процесс приема на работу на основании личных связей. Например, один член гайдаровской команды реформаторов сказал следующее: «Личные отношения играют чрезмерную роль. Я никогда не принадлежал ни к какому клану, поскольку

был уже близок к лидерам-реформаторам [vozhdyam], так что мог не делать ничего, кроме как выражать свое мнение по тем или иным вопросам. Я был независим и упрям, даже вопреки интересам моей семьи, которая была бы безмерно счастлива, если бы дело обстояло иначе... Но я был причастен ко многим аспектам реформ, и я наблюдал две группы людей, которые обогатились в этот период. Одна группа—это часть старой *nomenklatur*'ы, те, кто пришел вместе с Ельциным для установления контроля над страной, в частности, посредством приватизации. Вторая группа—это те, кто не имел никаких особых заслуг; им было лет по двадцать-тридцать... И для них, конечно, личные отношения играли очень большую роль. В отличие от Востока, где кланы формируются из членов семьи, здесь кланы формировались на основании дружеских связей» (В1).

В отличие от своих коллег из предшествующих администраций, представители когорты Путина редко поднимали тему о приеме на работу на основании личных связей. А если они делали это, то либо отрицали свою причастность к процессу (Е5), либо упоминали о нем вскользь, как о чем-то незначительном (Е2).

Кланы. Как уже было отмечено выше, термин «клан» часто всплывал в интервью, неизменно как пейоратив применительно к «другим». Когда сходный феномен относился к группе, в которую входил интервьюируемый, использовались смягченные варианты или даже совсем другие термины, как явствует из следующих ремарок.

«Борис Ельцин долгое время работал с Олегом Лобовым в Свердловском обкоме, где они решали политические и экономические проблемы. Затем они повторили этот опыт в Москве: Ельцин как президент, а Лобов как министр... Помимо профессиональных отношений, существуют еще и неформальные, прежде всего, землячество. Так, в этом конкретном случае, когда президент издавал указ, это был не просто президентский указ, но указ кого-то близкого к исполнителю, выходца из того же региона, кого-то, чье происхождение такое же, как и у самого исполнителя. И, конечно, Ельцин знал это, издавая указы. Каждая сторона до определенных пределов доверяет другой (не говоря уже о том, что в данном конкретном случае исполнитель, Лобов, имел доверительные отношения с Ельциным в течение длительного периода времени) ... Каждая сторона относится к другой как к товарищу-земляку... Ситуация, однако, была не такой простой, поскольку среди помощников президента был только один земляк—Виктор Ильюшин. Все остальные были москвичами. Таким образом, администрация президента не стала кланом, землячеством людей из Свердловска» (С1).

«Для советской номенклатуры было обычным делом окружать себя выходцами из того же регионального клана. И это было верно также и в случае Ельцина. Безусловно. Однако он включил в свое правительство также и тех, кто не имел отношения к номенклатуре Свердловска... И я определенно могу утверждать, что ни при СССР, ни при Ельцине (как в ранний, так и в поздний периоды) члены какого-то одного клана не окружали трон столь плотно, как это имеет место теперь в лице, так сказать чекистов и питерцев» (В9).

Хотя президентство Ельцина было печально известно доминированием личных и клановых отношений, приведенные ремарки двух чиновников этого периода имеют тенденцию минимизировать эту характеристику, когда дело доходит до описания личного опыта. Тем не менее, как показывают другие комментарии, при описании сходных феноменов, относящихся к «другим», респонденты не столь великодушны. Более того, рассматривая поведение «других» в свете своих собственных личных сетей, они проявляют редкостное единодушие в отношении деталей. При описании властных отношений в общем, два респондента упоминают «византийский стиль» управления (С5; В6), который исторически наложил свою печать на Россию, приведя к «очень тесному переплетению политики... интриги... вероломства и покорности» (В6). В том же духе один из респондентов доказывает, что влияние политических кланов обратно пропорционально уровню демократии в стране—уровень при этом оценивается как нулевой (А2), а другой связывает такое положение вещей с действиями некоего подобия мафиозных групп, объединившихся ради сохранения власти. «У этих групп нет политических принципов. Никаких. Их не объединяют никакие политические идеи, кроме идеи защиты и улучшения своего положения... Общественные нужды, в частности, не принимаются во внимание. Все, что сейчас происходит—это передел имущества, передел власти. Посмотрите, что творится в правительстве Москвы, в отношении должности мэра Москвы. Они очищают пространство для кого-то другого, выдавливая представителей команды Лужкова, которая раньше там заправляла. То же самое касается Нижнего Новгорода и Калининграда. Это—так называемое боковое перемещение. Это значит, прежде всего, что влиятельные, наделенные властью люди станут их [т.е. Путина] людьми. Во-вторых, это значит, что эти люди будут выполнять решения, принятые за закрытыми дверями. Можете называть тех, кто находится сейчас у власти, «масонской ложей»» (D3).

Эти комментарии, касающиеся успеха клана Путина в подчинении региональных оппонентов, контрастируют со словами другого респондента, описывающих личные отношения в российском правительстве. Выражая свое отношение к гипотезе о том, что непокорные чиновники изменили бы свое поведение, оказавшись перед перспективой увольнения с должностей, он отметил, что законы и цепь инстанций здесь не работают. «Чиновники знают это, и их партнеры тоже знают это. Если уволить какого-то чиновника, то система личных знакомств и доверительных связей, которыми он обладает в бюрократической среде, будет уничтожена. И тот, кто его заменит, не сможет управлять ничем, пока не наработает такие же связи... Я не могу припомнить такого, чтобы после увольнения (или ухода в отставку) некоего важного чиновника министерство (или какое-нибудь подразделение Администрации Президента) в буквальном смысле не развалилось бы. Все держалось лично на нем, и пока ситуация не будет воспроизведена, ничего не будет работать. Возьмем город Краснодар. Значительная часть его бюджета уходит на оплату прежних долгов. Все, что было сделано в городе, теперь финансируется за счет дефицита. И задача мэра и его людей

состоит в том, чтобы убедить людей работать, гарантировать им — благодаря личным связям — что долги будут погашены за счет будущих доходов. Все это осуществляется на основании личных договоренностей. Но если данный чиновник будет заменен, то эти договоренности потеряют силу, возникнут недоверие и напряженность. Короче говоря, большие проблемы. Все делается на основании личного доверия, на основании того, что один обязан другому... Я говорю это абсолютно точно. На муниципальном уровне с советских времен ничего не изменилось: как система работала тогда, так и теперь» (С4).

Противоречия в этих рассказах (один респондент описывает клан федерального уровня, который навязывает свою волю чиновникам муниципального уровня, а другой показывает, как чиновники в той или иной ситуации защищаются от приходящих сверху директив) не должны затемнять тот факт, что респонденты сходятся в главном: не институты, но личные связи формируют каналы, по которым распространяется власть.

Команды. Респонденты, как правило, давали куда более благоприятную оценку своей работе в «командах». В то время как «кланы» обычно ассоциируются с «другими» и с негативными действиями, «команды» вызывают ассоциации с принципиальным сотрудничеством, направленным на благо. Возможно, это обусловлено тем, что «команды» не включают расширенные сети, укорененные в экономике, но, в общем и целом, представляют из себя группы, ориентированные на решение конкретных задач. Типичным описанием «командного» опыта могут быть следующие ремарки одного респондента, работавшего в первой администрации Ельцина. «Мои коллеги по департаменту работали сознательно. На мой взгляд, они хотели делать то же, что и я. Вместе мы одерживали победы и терпели поражения... Когда людям дается возможность сделать что-то хорошее, позитивное (даже если их раньше и не учили этому), они испытывают нечто вроде морального удовлетворения. Это удовлетворение помогало мне работать, равно как и присутствие людей, мыслящих в сходном ключе» (В2).

Эти замечания представляют базовые элементы «команды»: определенные общие цели, на которые ориентирована группа, общий взгляд на способы и методы действия, коллективный опыт восприятия результатов усилий членов группы, общее (и личное) удовлетворение достигнутыми групповыми целями.

Однако не все комментарии относительно командной формы организации необходимо позитивны. Один респондент отмечал, что условия замкнутости, в которых работала его «команда», произвели определенную «абerrацию сознания». Сам он объяснял это так: «Твое положение воздействует на твой мозг, искажая твоё представление о происходящем. Даже если ты пытаешься этого избежать, это все равно происходит. Это неизбежно... При свободных медиа ты читаешь газеты, смотришь телевизор, общаешься с журналистами — все время одно и то же. Ведь журналисты рассматривают тебя не как человека, с которым можно просто общаться, но как власть, от которой чего-то хотят. Твое положение искажает твой разум» (С6).

В другом случае респондент выражал сходные мысли относительно команды реформаторов экономики, к которой он присоединился много позже, чем она начала работать коллективно.

«Я не был членом экономического кружка. Мне не нужен был никакой кружок, чтобы понять, как функционирует капитализм. Я жил в США и часть моей работы заключалась в том, чтобы писать об этом. Но когда начались реформы, опыт кружка стал более важен, чем опыт людей, которые жили в капиталистических странах. Следовательно, реформы были слегка идеалистичны с точки зрения капитализма. Моя любимая шутка — придуманная восточными немцами — такая: то, что Маркс говорил о социализме, было глупостью, но то, что он говорил о капитализме, было верно... Со стороны членов кружка было чересчур наивно считать это подходящим. Но так вышло в силу их неадекватного образования и того, что они составляли сплоченный клан, близкий к руководству. И эти объективные факторы обусловили неудачу экономической политики» (В1).

В случае одной группы респондентов, работавших в Администрации Президента, ее члены довольно подробно описывали условия деятельности, которые сцементировали идентичность и работу их команды. Частота их взаимодействия друг с другом является здесь ключевым фактором: «мы практически жили вместе все это время» (С1). Подтверждая замечания по поводу «команды» других своих коллег (С3, С5), один из членов группы описывает свою ситуацию следующим образом. «Вот мой рабочий день. Я просыпаюсь утром на государственной даче. Я сажусь в машину и еду на работу, где сижу до десяти вечера. Я общаюсь только со своими людьми. В 22:00 или в 22:30 я сажусь в машину и еду на дачу. Я сплю. В субботу я тоже работаю. Воскресенье — выходной. Я сплю. Потом я выхожу и прогуливаюсь по дачному поселку. Я встречаю Ясина или какого-нибудь другого своего знакомого, также принадлежащего к моему кругу. Контакты все время одни и те же» (С6).

Все члены «команды» сообщают, что они были объединены общей идеей, но эта идея — «реформы» — достаточно неопределенна, а потому допускала различные интерпретации в разных конкретных случаях. К консенсусу приходили после «долгих споров и долгих дискуссий», благодаря тому, что «после определенного момента в дискуссии, люди сознательно отказывались от своего мнения и соглашались с теми, кто обладал большим опытом в этой сфере» (С1). Таким образом, во всех случаях, кроме одного, решение принималось единодушно (С3).

Однако единство внутри команды обуславливалось также и благодаря личным отношениям, которые культивировались различными способами; и, как кажется, их сила воздействия конкурировала с силой воздействия общей идеи (или даже превосходила ее в отдельных случаях, особенно когда та становилась основой для «долгих споров и долгих дискуссий»). Среди средств укрепления единства группы, упомянутых респондентами, были празднования дней рождения и застолий. В отношении первых — важный ритуал в русской культуре — один из респондентов заметил, что «когда

случался день рождения, мы все собирались вместе и поздравляли виновника торжества... Во многих отношениях мы были как братья и сестры, как родственники... Мы очень хорошо знали друг друга, мы понимали друг друга, мы знали, что чувствуют другие» (С1).

Другой респондент вспоминал, что «у нас был обычай праздновать день рождения Ельцина без самого Ельцина. Мы собирались на пару часов, выпивали водки и шампанского. Первый раз мы были приглашены к Ельцину, затем, когда нас уже не приглашали, мы просто собирались в ресторане. Пили за его здоровье и хвалили друг друга, говоря что-то вроде „мы такая команда, равной которой не было, и уже никогда не будет“. Исходя из этого опыта, могу сказать, что мы были не просто командой интеллектуалов, но стали близкими друзьями» (С3).

Роль Ельцина в сохранении единства группы была, как кажется, грандиозной, и ниже она будет рассмотрена особо. Здесь же следует отметить важность его символического присутствия (при реальном отсутствии) на праздновании его дня рождения.

Несколько иную, но также крайне важную, роль в интеграционных ритуалах «команды» играли застолья. В определенных случаях члены «команды» собирались вместе для проведения церемоний, укреплявших чувство товарищества, вроде празднования дня рождения Ельцина в отсутствие его самого, где формальный повод для собрания находился в подчиненном положении относительно создания группового эффекта и солидарности. «Команда» регулярно собиралась в правительственном здании на Ленинских (ныне Воробьевых) горах для того, чтобы организовывать отъезд представителей Президента, направлявшихся для исполнения своих обязанностей в ту или иную область. «В первом таком случае у нас был обед в этом месте, и всем очень понравилось. Так что мы решили собираться там при каждом новом отъезде представителя Президента. Там мы могли обсуждать положение вещей и то, как можно улучшить ситуацию... Эти встречи были очень теплыми. Не могу сказать, как много раз я там был, но этот ритуал неизменно соблюдался. Мы ждали этого момента — не столько самого назначения представителя, сколько того, что следовало за ним... Мы могли собраться вместе, поздравить и похвалить друг друга» (С3).

На более постоянной основе атмосферу товарищества, благоприятную для межличностного общения (как связанного, так и не связанного с работой), создавало совместное чаепитие перед каждым рабочим днем. Эти чаепития организовывались единственной женщиной в «команде», которая, по словам одного из членов группы, «в некоторых отношениях была душой коллектива» (С3). Сама она вспоминает об этом так: «Каждый день я встречала всю „команду“ у себя в офисе. Там был длинный прекрасный стол, который перекочевал из кабинета Алексея Косыгина, который, как вы помните, длительное время возглавлял правительство СССР — весьма почтенная личность. Каждое утро мы пили там чай, и я приносила десерты к кофе и чаю (некоторые я готовила сама). Во время чаепития мы обсуждали различные дела, которые собирались сделать в этот день. Мы делились информацией,

проблемами и т.д. Отношения за этим столом всегда были очень хороши... Это была такая ежедневная традиция: собраться утром, немного поговорить, пошутить и подготовиться к рабочему дню. Эти 30–40 минут чаепития были неизменны. Поскольку я была единственной женщиной в нашей группе, у меня было особое право критиковать мужчин и даже придираться к ним. Но это должно было делаться мягко и больше намеками» (С1).

В дополнение к важности личных отношений, отраженной в этих комментариях, пол, как представляется, играл особую роль в сохранении групповой солидарности. Что касается женского пола, то женщина выполняет определенную роль, питая группу как материально (принося съестное), так и нематериально — посредством мягкой критики. Автор приведенного выше комментария также указывала на общий функциональный эффект «смягчающего фактора» участия женщин, предупреждая, однако, что «команда» «не должна включать много женщин, поскольку тогда она распадется на пары, а это никому не нужно. В этом контексте требуется только одна-две женщины» (С1).

С ее точки зрения, роль мужского пола также четко очерчена, особенно это касается фигуры «папы», представленной в данном случае Ельциным. В том, что касается отношений с «другими» вне «команды», Ельцин играл роль защитника. «В период непрекращающегося кризиса группа смогла работать спокойно лишь потому, что Президент прикрыл нас от него. К нам постоянно приходили люди из министерств, важные люди, представители думского большинства, представители Верховного Суда. Они приходили и говорили о том, что им не нравится в нашей работе, или в речах Ельцина, или в политических планах. Они критиковали нашу работу. Ельцин вмешивался и говорил нам: „Я знаю, как много людей ходит и жалуется на вас, но я не собираюсь сдавать вас“» (С1).

В том, что касается отношений внутри группы, отеческая роль Ельцина была не менее важна. Ельцин регулировал отношения между членами группы. Он выслушивал их жалобы, выражения недовольства — и корректировал их. «Нет, нет, — говорил он, — это не твоя забота. Это — его (или ее). Это касается не тебя, а меня». В некотором смысле это напоминало детский сад. Там есть воспитатель и группа детей. В данном случае воспитатель должен регулировать группу. И он способен делать это, если наделен достаточным пониманием и мудростью. А если не способен, тогда группа регулирует сама себя, что подразумевает, в частности, конфликты и столкновения внутри группы... В этом отношении Ельцин проявил себя как весьма деликатный и опытный человек» (С1).

Взятые в совокупности, эти комментарии членов «команды», работавших в Администрации Президента в правление Ельцина, являются иллюстрацией того, что социальные отношения в «Гражданском обществе II» носят ярко выраженный личностный характер, причем в данном конкретном случае личные отношения между членами группы переносятся на структуру их формальных ролей в правительстве. Они фиксируют высокий эмоциональный уровень внутри группы, не только пропитывающий ее рабочее простран-

ство, в котором создается идентичность и солидарность группы, но время от времени выплескивающийся за его пределы. Сильные связи внутри группы производят и, в свою очередь, укрепляются представлением о «других», с которыми группа взаимодействует, представление, которое подчеркивает некоторую угрозу со стороны «других» для «команды» и ее членов.

Концептуализация угрозы и защиты от нее порождает «семейный» дискурс, усиленную версию социальных отношений, базирующихся на сильных связях. Набор образов и соответствующих им ролей внутри этой модели производит шаблон отношений между членами группы, сообщая определенную логику, или рациональность, их взаимодействиям. Таким образом, Ельцину отводится роль «папы», пресекающего нежелательные поползновения «других», а также роль воспитателя, который подавляет — реальные или потенциальные — конфликты между членами группы. Члены «команды» мужского пола предстают, соответственно, как сыновья и братья. Они демонстрируют близкие, эмоционально окрашенные связи, которые наиболее ярко проявляются во время различных празднеств, но отражаются также и в обыденной рабочей обстановке: за традиционной утренней чашкой чая или в маленькой курилке, где некурящие стреляют сигареты у других членов «команды», чтобы приобщиться к этому связующему ритуалу (Сз). Член «команды» женского пола — «в некоторых отношениях душа коллектива» — принимает на себя роль «мамы». Она не только принимает позу «кормилицы» по отношению к своим сыновьям/братьям, но «мягко» указывает на их недостатки, возвращая (или даже направляя) на верный путь. Она предупреждает от опасностях, которые влечет включение в группу других женщин, не только потому, что те могут угрожать ее роли «мамы», но и потому, что они создают сексуальную угрозу солидарности «команды», которая в рамках «семейного» дискурса может толковаться как инцест.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпиграф в начале статьи, как кажется, отражает полуправду. Рассматриваемый через призму «Гражданского общества I», он может вполне описать межличностные отношения в посткоммунистической России. Однако если принять во внимание модель «Гражданское общество II», то ситуация выглядит совсем иначе. Доверие между теми, кто работает в его неформальных структурах (представленные здесь как властные сети, неважно, кланы ли это или «команды»), судя по всему, весьма велико. Это отражается и в комментариях респондентов (говорят ли они о поведении «других» или вспоминают свой собственный опыт) в виде высокого эмоционального уровня, для описания которого используется «семейный» дискурс. В случае «других» основной категорией является «клан»; в случае своей «команды» отношения изображаются по шаблону нуклеарной семьи и соответствующих гендерных ролей. Полуправда в эпиграфе, таким образом, относится к «другим». Там, где доминируют сильные связи, доверие к «другим» обратно пропорционально доверию, существующему внутри группы.

Представление о мире политики, предложенное респондентами, кажется во всех отношениях соответствующим элементам модели «Гражданское общество II». Настолько, насколько абстрактные категории модели соответствуют реальному опыту респондентов, модель может претендовать на достоверность. Но тем не менее она остается моделью. Ее полезность заключается в том, что она может дать общее представление о социальных отношениях в России, которая более не является примером государственного социализма, но никоим образом не трансформировалась в капиталистическую демократию, как она имплицитно представлена в модели «Гражданское общество I». Важность модели «Гражданское общество II», таким образом, может обнаружиться в этом признании различий и соответствующим выводом, что социальные отношения, характеризующие современную Россию, отнюдь не являются пустым местом лишь потому, что они не отвечают социальным отношениям «Гражданского общества I», равно как они не являются и отклонением от того, как (иногда) должно быть. Скорее, способы скрепления социального находят объяснение в формах капитала, которые лежат в их основе. Когда доминируют инкорпорированные формы культурного и социального капитала, тогда социальные отношения отражают эту инкорпорированность в личностной форме, именно так, как — в тех же самых словах — говорили об этом респонденты.

Перевод с английского Алексея Анполонова

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев, М. Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность*. М.: Московский общественный научный фонд. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond.
- Даугавет, А. Б. 2003. «Опыт когнитивного подхода к изучению института властной элиты», А. Дука (ред.), *Власть и элиты в современной России*. СПб.: 63–91.
- Крыштановская, О. 2005. Интервью. *Профиль*. No. 10, 21 March.
- Макаркин, А. 2004. «За власть в советах директоров», *Еженедельный журнал*. 3 октября: 20–23.
- Салин, Павел. 2007. «Многополюсная политическая Россия», *Политический класс*. No. 32 (18 июля). www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=854.
- Bandelj, Nina. 2002. «Embedded Economic: Social Relations as Determinants of Foreign Direct Investment in Central and Eastern Europe», *Social Forces*. 81, no. 2: 411–444.
- Berman, Sheri. 1997. «Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic», *World Politics*. 49, no. 3: 401–429.
- Bermeo, Nancy and Philip Nord (eds.). 2000. *Civil Society before Democracy: Lessons from Nineteenth Century Europe*. Lanham: Rowman and Littlefield.
- Bourdieu, Pierre. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge: Harvard University Press.
- . 1986. «The Forms of Capital», J. G. Richardson (ed.), *The Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood: 241–258.
- . 1990. *In Other Words*. Cambridge: Polity Press.
- . 1993. *The Field of Cultural Production*, R. Johnson (ed.). New York: Columbia University Press.
- Breslauer, George. 2001. «Personalism Versus Proceduralism: Boris Yeltsin and the Institutional Fragility of the Russian System», V. Bonnell and G. Breslauer (eds.), *Russia in the New Century: Stability or Disorder?*. Boulder: Westview: 35–58.
- Burawoy, Michael. 2004. «For a Sociological Marxism: The Complementary Convergence of Antonio Gramsci and Karl Polanyi», *Politics & Society*. 37, June: 193–246.

- Diamond, Larry. 1994. «Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation», *Journal of Democracy*, 5, no. 3: 4–17.
- Djankov, Simeon. 2004. «Entrepreneurship: First Results from Russia». World Bank <www1.worldbank.org/finance/assets/images/Entrepreneurship_Russia.pdf> (November).
- Ekiert, Grzegorz and Jan Kubik. 1999. *Rebellious Civil Society: Popular Protest and Democratic Consolidation in Poland 1989–1993*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Encarnacion, Omar. 2003. *The Myth of Civil Society: Social Capital and Democratic Consolidation in Spain and Brazil*. New York: Palgrave Macmillan.
- . 2006. «Civil Society Reconsidered», *Comparative Politics*, 38, April: 357–376.
- Eyal, Gil, Szelenyi, Ivan and Eleanor Townsley. 1998. *Making Capitalism Without Capitalists: The New Ruling Elites in Eastern Europe*. London: Verso.
- Fazullina, Guzel. 2004. «State Officials Are Going into Business», *Rodnaya gazeta*, 12 November (in Johnson's Russia List, 15 Nov. 2004).
- Flap, Henk and Beate Volker. 2003. «Communist Societies, The Velvet Revolution and Weak Ties», G. Badescu and E. Uslaner (eds.), *Social Capital and the Transition to Democracy*. London: Routledge.
- Foley, Michael and Bob Edwards. 1997a. «Escape From Politics? Social Theory and the Social Capital Debate», *American Behavioral Scientist*, 40, March/April: 550–561.
- . 1997b. «Social Capital and the Political Economy of Our Discontent», *American Behavioral Scientist*, 40, March/April: 669–678.
- . 1998a. «Beyond Tocqueville: Civil Society and Social Capital in Comparative Perspective», *American Behavioral Scientist*, 42, September: 5–20.
- . 1998b. «Civil Society and Social Capital Beyond Putnam», *American Behavioral Scientist*, 42, September: 124–139.
- Granovetter, Mark. 1973. «The Strength of Weak Ties», *American Journal of Sociology*, 78, May: 1, 360–80.
- . 1982. «The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited», P. Marsden and N. Lin (eds.), *Social Structure and Network Analysis*. Beverly Hills: Sage: 1005–30.
- Greskovits, Bela. 1998. *The Political Economy of Protest and Patience: East European and Latin American Transformations Compared*. Budapest: Central European University Press.
- Hahn, C. M. (ed.). 2002. *Postsocialism: Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia*. London: Routledge.
- Hayoz, Nicolas and Victor Sergeev. 2003. «Social Networks in Russian Politics», G. Badescu and E. Uslaner (eds.), *Social Capital and the Transition to Democracy*. London: Routledge.
- Henderson, Sarah. 2003. *Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organizations*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hosking, Geoffrey. 2004. «Forms of Social Solidarity in Russia and the Soviet Union», I. Markova (ed.), *Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe*. Oxford: Oxford University Press: 47–62.
- Howard, Marc. 2003. *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huskey, Eugene. 2004. «From Higher Party Schools to Academies of State Service: The Marketization of Bureaucratic Training in Russia», *Slavic Review*, 63, summer: 325–348.
- . 2005. «Putin as Patron: Cadres Policy in the Russian Transition», A. Pravda (ed.), *Leading Russia: Putin in Perspective. Essays in Honour of Archie Brown*. Oxford: Oxford University Press.
- Kharkhordin, Oleg. 1998. «Civil Society and Orthodox Christianity», *Europe-Asia Studies*, 50, September: 949–968.
- . 2000. *The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices*. Berkeley: University of California Press.
- Kryshatanovskaya, Olga and Stephen White. 2005. «Inside the Putin Court: A Research Note», *Europe-Asia Studies*, 57, (November): 1065–1075.
- Kubik, Jan. 2005. «How to Study Civil Society: The State of the Art and What to Do Next», *East European Politics and Society*, 19, no. 1: 105–120.
- Ledenova, Alena. 2004a. «Underground Financing in Russia», J. Kornai, B. Rothstein and S. Rose-Ackerman (eds.), *Creating Social Trust in Post-Communist Transition*. New York: Palgrave Macmillan: 71–90.
- . 2004b. «The Genealogy of Krugovaya Poruka: Forced Trust as a Feature of Russian Political Culture», I. Markova (ed.), *Trust and Democratic Transition in Post-Communist Europe*. Oxford: Oxford University Press: 85–108.
- Mbeke, Achille. 2001. *On the Postcolony*. Berkeley: University of California Press.
- Mihaylova, Dimitrina. 2004. *Social Capital in Central and Eastern Europe: A Critical Assessment and Literature Review*. Budapest: Central European University.
- n. a. 2005. «Sons of Russian Functionaries Go Into Business», *Vedomosti*. (Johnson's Russian List, 4 April).
- Newton, Kenneth. 1997. «Social Capital and Democracy», *American Behavioral Scientist*, 40, March/April: 575–586.
- Putnam, Robert. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
- . 2001. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Touchstone.
- Radaev, Vadim. 2004. «How Trust is Established in Economic Relationships When Institutions and Individuals Are Not Trustworthy: The Case of Russia», J. Kornai, B. Rothstein and S. Rose-Ackerman (eds.), *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*. New York: Palgrave Macmillan: 91–110.
- Rigby, T. H. and Bohdan Garasymiw (eds.). 1983. *Leadership Selection and Patron Client Relations in the USSR and Yugoslavia*. London: George Allen and Unwin.
- Rothstein, Bo. 2004. «Social Trust and Honesty in Government: A Causal Mechanisms Approach», J. Kornai, B. Rothstein and S. Rose-Ackerman (eds.), *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*. New York: Palgrave Macmillan: 13–30.
- Solnick, Steven. 1998. *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. Cambridge: Harvard University Press.
- Stark, David. 1997. «Recombinant Property in East European Capitalism», G. Grabher and D. Stark (eds.), *Restructuring Networks in Post-Socialism*. Oxford: Oxford University Press: 35–69.
- Stark, David and Laslo Bruszt. 1998. *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stark, David and Vedres Balasz. 2006. «Social Times of Network Spaces: Network Sequence Analysis of Network Formation and Foreign Investment in Hungary, 1987–2001». *American Journal of Sociology*, III (March): 1367–1411
- Tarrow, Sidney. 1996. «Making Social Science Work Across Space and Time: A Critical Reflection on Robert Putnam's *Making Democracy Work*», *American Political Science Review*, 90, June: 389–397.
- Urban, Michael. 1985. «Conceptualizing Political Power in the USSR: Patterns of Binding and Bonding», *Studies in Comparative Communism*, 18, winter: 207–226.
- . 1989. *An Algebra of Soviet Power: Elite Circulation in the Belorussian Republic 1966–1986*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 1997. *The Rebirth of Politics in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- . 2003. «Social Relations and Political Practices in Post-Communist Russia», D. Kelley (ed.), *After Communism: Perspectives on Democracy*. Fayetteville: University of Arkansas Press: 119–142.
- . 2004. *Russia Gets the Blues: Music, Culture and Community in Unsettled Times*. Ithaca: Cornell University Press.
- Verdery, Katherine. 1996. *What Was Socialism and What Comes Next?*. Princeton: Princeton University Press.
- . 2003. *The Vanishing Hectare: Property and Value in Postsocialist Transylvania*. Ithaca: Cornell University Press.
- Volkov, Vadim. 2002. *Violent Entrepreneurs*. Ithaca: Cornell University Press.
- Walzer, Michael. 2002. «Equality and Civil Society», S. Chambers and W. Kymlicka (eds.), *Alternative Conceptions of Civil Society*. Princeton: Princeton University Press: 34–49.
- Wedel, Janine. 1998. *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe*. New York: St. Martin's Press.
- White, Harrison. 1992. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton: Princeton University Press.
- Willerton, John. 1992. *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zarycki, Tomasz. 2003. «Cultural Capital and the Political Role of the Intelligentsia in Poland», *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 19, December: 91–108.